

Хуан Баньсянь заметил, что гнев в её глазах исчез, а лицо стало спокойным, и наконец вздохнул с облегчением. Он повернулся к Сыту, стоявшему рядом, и увидел, что тот задумчиво смотрит вниз. Через некоторое время Сыту обернулся и сказал ему:

— Пойдём.

Затем, не оглядываясь, ушёл.

Хуан Баньсянь последовал за ним. Выйдя за ворота, он оглянулся и увидел, что Сяо Лоюй стоит на месте и смотрит на него. Когда Сяо Хуан повернулся, Сяо Лоюй приподнял бровь и улыбнулся, что-то сказав, но слова его не были слышны.

Сяо Хуан задумался, но его руку уже взял Сыту, и он был выведен из Усадьбы Журавлиного Крика.

Спустившись с горы, они увидели Цзян Цина и Му Лина, ожидавших их на дороге. Экипаж был готов. Сыту ничего не сказал, взял Сяо Хуана за руку, помог ему сесть в карету и опустил занавеску.

Му Лин и Цзян Цин переглянулись, но ничего не сказали и повели отряд вниз по горе.

Карета покачивалась на дороге, а Сяо Хуан сидел внутри, с интересом читая книгу, которую Му Лин положил на сиденье. Читая, он почувствовал что-то неладное, ведь Сыту всё это время молчал. По его характеру, как он мог так долго молчать? Сяо Хуан украдкой взглянул на него и увидел, что Сыту откинулся на сиденье, пристально глядя на него. Его лицо было бесстрастным, глаза полузакрыты, и было непонятно, задумался ли он или действительно смотрел на него.

Сяо Хуан, чувствуя себя неловко под этим взглядом, прикрыл лицо книгой. Прошло некоторое время, и Сыту встал, подошёл и сел рядом с ним.

Сяо Хуан посмотрел на него и немного отодвинулся, но Сыту приблизился ещё ближе, прижавшись к нему.

Сяо Хуан с жалким видом посмотрел на него, думая, не собирается ли он снова его дразнить.

Сыту какое-то время смотрел на него, затем одной рукой обнял за спину, а другой подхватил под колени и поднял его, усадив себе на колени.

Сяо Хуан, оказавшись на коленях Сыту, недоумённо посмотрел на него, но тот ничего не сказал, а лишь притянул его ближе, чтобы он удобно устроился у него на груди. Руки Сыту легли на бока ребёнка, и он закрыл глаза, притворившись спящим.

Сяо Хуан, ничего не понимая, но чувствуя себя комфортно на груди Сыту, не стал двигаться и продолжил читать книгу, пока тот, казалось, спал.

Вскоре карета спустилась с горы. Му Лин, ехавший на лошади, достал из кармана короткую бамбуковую флейту и начал играть.

Мелодия была особенной, плавной и немного хрипловатой, больше похожей на звук свирели, с лёгкой ноткой грусти и одиночества.

Сяо Хуан читал книгу, слушая музыку и ощущая биение сердца Сыту у себя в ушах. Веки его становились тяжелыми, и вскоре он отложил книгу, уютно устроившись на груди Сыту, и заснул.

Сыту медленно открыл глаза и посмотрел на Сяо Хуана, спящего у него на руках. Он провёл пальцами по его бровям, затем остановился на его бледных губах. Долго смотрел, затем наклонился и слегка поцеловал их. Почувствовав, как дыхание Сяо Хуана участилось, а щёки порозовели, он улыбнулся и углубил поцелуй, наслаждаясь прохладой его губ и ароматом книг, исходящим от ребёнка.

Снаружи продолжала звучать мелодия флейты, прерываемая лишь тихим фырканьем лошадей и редкими криками одинокой птицы, пролетающей вдали. Звук был тонким, словно пронизывающим душу.

Сыту долго целовал Сяо Хуана, затем крепко обнял его и тихо прошептал:

— Разделять радость и горе, радоваться, когда тебе хорошо, и плакать, когда тебе плохо... Ты действительно задал мне трудную задачу.

В Шучжуне несколько дней подряд шли дожди, и всё вокруг было окутано туманом. Сыту чувствовал себя немного подавленным, глядя на горы, окружавшие их. Горы за горами, бесконечные хребты... Когда находишься среди гор, они не вызывают такого восхищения, как при взгляде издалека.

В последнее время Сыту стал часто приставать к Хуан Баньсяню, или, скорее, ему нравилось, когда тот приставал к нему. Они ехали в карете вместе, ездили верхом на одной лошади, держали один зонт. Этот человек всегда был эксцентричным, поступал как хотел, и никто не пытался понять его мотивы. Однако все начали замечать небольшие изменения в его поведении — с какого-то момента Сыту научился сдерживать себя.

Изменения часто происходят внезапно, и когда ты их замечаешь, человек из твоих воспоминаний уже становится далёким, даже если эти изменения начались только вчера. Например, Сыту всегда был склонен к размышлениям, но не к глубоким раздумьям, он мог задумываться, но никогда не терялся в мыслях... Если попытаться описать, то он стал ещё более загадочным. Меч, спрятанный в ножны, становится только опаснее.

Хуан Баньсянь, как всегда, был спокоен. Большую часть времени его взгляд был устремлён на книгу в руках. И, что удивительно, он был очень покладистым. Как бы Сыту его ни щипал или дразнил, он не издавал ни звука, если это не было по-настоящему больно. Конечно, Сыту никогда не причинял ему настоящей боли.

В тот день, когда до Крепости Чёрного Облака оставался всего один день пути, Сыту вдруг спросил Хуан Баньсяня:

— Книжный червь, ты читал так много книг. Не знаешь, где больше всего красавиц?

Сяо Хуан моргнул, подумал и ответил:

— Наверное, в Цзяннани...

Сыту погладил подбородок и улыбнулся:

— Цзяннань, значит.

И так, вместо того чтобы вернуться в Крепость Чёрного Облака, они изменили маршрут.

Через полмесяца пути они прибыли в управу Ханчжоу. Ивы склонялись над каналами, дождь не мочил одежду — это был Цзяннань.

Крепость Чёрного Облака обладала огромной мощью, и Братство Хэй имело свои интересы по всей центральной равнине. В Ханчжоу у них были дела и собственность, в основном связанные с шёлком, ресторанами и банками. Хуан Баньсянь заметил, что, несмотря на грубую внешность, Сыту не любил заниматься азартными играми или содержать публичные дома. Вместо этого он владел более уважаемыми заведениями, которые процветали. Однако, как говорил Му Лин, всем этим управляли люди из Крепости Чёрного Облака, и Сыту, вероятно, даже не знал, сколько у него имущества. Он не вмешивался, пока его люди не нарушали закон и не шли по кривой дорожке.

Карета остановилась перед загородной усадьбой Крепости Чёрного Облака — Горной усадьбой Чёрного Облака. Здесь жили все подчинённые, занимавшиеся делами в Ханчжоу. Во главе стоял Цянь Лаолю, управляющий банком Чёрного Облака.

Дела в Цзяннани курировал Цзян Цин, и большинство подчинённых знали его, но мало кто видел Сыту. Даже Цянь Лаолю лишь однажды мельком видел его в Щучжуне. Услышав, что главарь прибыл, все были одновременно удивлены и обрадованы, выстроившись у ворот усадьбы, чтобы поприветствовать его.

Сыту, выйдя из кареты, увидел перед собой толпу людей, поклонившихся ему и назвавших его «главарём». Он махнул рукой:

— Разойдитесь. Я просто приехал прогуляться. У вас есть дела, занимайтесь ими, не обращайтесь

на меня внимания.

Цянь Лаолю и другие были удивлены. Они слышали, что их главарь известен своим деспотичным и эксцентричным характером, почему же он так спокоен? Несколько смельчаков подняли головы, чтобы взглянуть на этого легендарного человека, но Сыту, закончив говорить, повернулся к карете и спросил:

— Где будем жить? В усадьбе или в гостинице?

Люди стали ещё более любопытными, не понимая, кто же находится в карете, что Сыту так заботится о нём. Да и тон его голоса был нежным, словно он говорил с возлюбленной.

Голос из кареты был тихим, и только Сыту смог расслышать слова. Всё, что видели окружающие, — это как он кивнул и помог выйти из кареты человеку.

Цянь Лаолю пригляделся и увидел шестнадцатилетнего юношу в чёрном, стройного и скромного, с опущенной головой. Он держал в руках книгу. Присмотревшись, Цянь Лаолю заметил, что, несмотря на юный возраст, мальчик излучал неземную ауру. Внезапно он вспомнил слухи о том, что Сыту заполучил знаменитого Живого Небожителя Хуан Бансяня. Неужели это он?!

<http://bllate.org/book/15274/1348300>